

ОТЗЫВ

на диссертацию *Бароновой Маргариты Олеговны*
«Диалектика обстоятельств и ценностей
в культуре российской эмиграции «второй волны»»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата культурологии по специальности
5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Диссертационное исследование Маргариты Олеговны Бароновой посвящено редкой и крайне мало изученной теме – культуре российской эмиграции «второй волны». Особенно неизученной в корпусе культуры Русского Зарубежья является литература российской эмиграции «второй волны» – на фоне как «дооктябрьской эмиграции» (XIX – начала XX вв.), так и последующих пяти волн российской эмиграции XX – начала XXI вв. Это связано прежде всего с тем, что «вторая волна» эмиграции, возникшая в конце Второй мировой войны или по окончании ее, представляла собой по преимуществу поток «невозвращенцев» из числа бывших советских граждан, интернированных, усланных на работы в Германию, военнопленных, узников нацистских концлагерей и т.п. Негативный или резко переосмысленный опыт жизни в довоенном Советском Союзе (даже очень короткий) оказывал дополнительное влияние на решимость невольных эмигрантов не возвращаться на Родину, избежать насильственной репатриации и остаться на чужбине.

Как справедливо характеризует М.О. Баронова объект своего научного изучения на первых же страницах диссертации: «В отличие от «первой» и «третьей» «волн» эмиграции, среди представителей «второй волны» было множество вынужденных эмигрантов, оказавшихся на оккупированной немцами территории, попавших в плен или угнанных в Германию как оstarбайтеры во время Великой Отечественной войны. Людям, по тем или иным причинам, оказавшимся в это время за рубежом, особенно тяжело было осуществить свой духовно-нравственный выбор: вернуться на Родину, где их считали изменниками, или попытаться избежать репатриации и пройти через депортационные лагеря (Ди-Пи)». Вслед за покойным профессором В.В. Агеносовым, диссертант склонен называть представителей эмигрантской

литературы «второй волны»: «писатели Ди-Пи и послевоенной эмиграции» [Баронова, диссертация, с. 3 - 4]¹.

В связи с особым местом «второй волны» литературы Русского Зарубежья автору диссертации о ней приходится писать также о русской эмиграции в целом; более того свое право изучать эмиграцию она обосновывает введенной в начале 2000-х гг. концепцией «Русского мира», охватывающей всех соотечественников – российских и зарубежных в формате своего рода «единопоточности» [См.: Дис., с. 5], т.е. в плане тесного единства всех противоречивых частей русскоязычного литературно-культурного целого (что в известном смысле является некоторым упрощением).

Однако такой ракурс рассмотрения Русского Зарубежья как неотъемлемой части «Русского мира» оказывается не только новым, но и перспективным: во-первых, этот глобальный феномен наглядно опосредует влияние русской культуры на мировую культуру, а зарубежной культуры (западной и восточной) – на русскую культуру в целом. Во-вторых, русская культура в целом – как содержание «Русского мира» – становилась хранилищем мировой культуры для множества смежных локальных культур (в том числе для национальных культур, находящихся в ареале «Русского мира»). Наконец, «Русский мир» в XXI веке – это не только мир глазами русской культуры и мир, выраженный средствами русского языка, но и весомая часть всего мира, обусловленная творческим потенциалом русской культуры и ее, по Достоевскому, всемирной отзывчивостью².

В своей диссертации М.О. Баронова убедительно показала, что эмиграция «второй волны», быть может, самая спорная часть «Русского мира» 1940-х и начала 50-х гг., в силу своего необычно острого пограничного положения между Россией и Европой (шире Западом), сумела выполнить свою коммуникативную миссию в диалоге мировых культур в сложное военное и послевоенное время. Эта миссия, незамеченная современниками этого процесса (в том числе – самими эмигрантами «второй волны»), могла быть осмыслена и оценена лишь в современных условиях «многополярности» и многоликой глобализации.

¹ Здесь и далее цитируется текст диссертации М.О. Бароновой. В дальнейшем в тексте отзыва ссылка обозначается: [Дис., с.] с указанием соответствующих страниц в квадратных скобках.

² См. подробнее: *Кондаков И.В.* Глобалитет Русского мира в диалоге культур // *Русский язык в диалоге культур.* Сб. Ст. / Под ред. А.А. Климова и А.В. Фоменко. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 51 – 63.

Хотя М. Баронова и утверждает, что идейным стержнем «второй волны» явилась *тема Родины*, на самом деле эта тема является сквозным идейным стержнем всей литературы Русского Зарубежья (включая и первую, и третью волны российской эмиграции, и т.д.) Так что тематический ракурс не составляет специфики литературы и культуры «второй волны». Своеобразие этого этапа российской эмиграции, скорее, отражает идейно-эмоциональное и нравственно-эстетическое отношение деятелей «второй волны» к подобной тематике. «...Литературу “второй волны” эмиграции можно назвать литературой покаяния, поскольку исповедальные произведения представителей “второй волны” становятся полифункциональными, могут быть рассмотрены как тексты культуры, тексты-послания. Взаимоотношения с родной страной не только становятся лейтмотивом творчества, мемуаров и публицистики авторов данного периода, но и формируют их как писателей: побуждают к творчеству людей, ранее не занимавшихся литературной деятельностью профессионально» [Дис., с. 5 - 6]. В самом деле, «покаяние» не было характерно ни для эмигрантов «первой волны», ни для представителей «третьей» или «пятой»: здесь была бы более уместной категория «обвинения» или «обличения» советской власти – в первом случае – большевизма, во втором – политиков застойного времени, ставшими главными факторами и причинами «Исхода» их непримиримых оппонентов на чужбину. Что же касается деятелей культуры «второй волны», то их рефлексия была, в первую очередь, направлена на самих себя, на осмысление своих переживаний, своей ответственности или вины («греха»).

«Какими бы ни были причины эмиграции, – продолжает свои размышления над феноменом «второй волны», – каждому человеку предстояло совершить сложный духовно-нравственный выбор: сохранить систему ценностей и принципов неизменной вопреки обстоятельствам или приспособиться к ним. <...> Основной нравственной проблемой творчества эмигрантов становится проблема взаимоотношений с Родиной и поведения человека в критической ситуации, “точке кризиса”, то есть в военное время. Родина и Чужбина выступают для представителей “второй волны” эмиграции в качестве нравственной оппозиции» [Дис., с. 6].

Постановка проблемы исследования в культурологическом ключе (которая «заключается в выявлении особенностей культурного феномена “второй волны” российской эмиграции и определении его значения для отечественного культурного наследия» [Дис., с. 13] нашла свое выражение в двухчастной структуре диссертации. Первая глава работы – «Ценности

российской эмиграции «второй волны» в обстоятельствах времени»; вторая – «Ценности российской эмиграции «второй волны» в автобиографической составляющей литературного наследия». Эти названия глав вполне оправдывают цель исследования и развертывают заглавие диссертации.

Два параграфа I главы акцентируют внимание соответственно: 1) на *генезисе и культурно-исторической динамике* «второй волны» и 2) на *мировоззрении и повседневности* как экзистенциальных факторах эмиграции «второй волны». Узловые понятия, важные для осмысления специфики «второй волны», сформулированы автором четко и лаконично. Главное же состоит в том, что через призму названных четырех понятий М.О. Бароновой удастся проанализировать множество судеб представителей «второй волны» русской эмиграции и социально-политические и культурные обстоятельства, формировавшие настроения и комплексы, житейские переживания и творческие принципы писателей Русского Зарубежья 1940-х – 50-х гг.

Автор прослеживает отношения и принципы, связывавшие между собой представителей 1-й и 2-й «волн», 2-й и 3-й «волн» русской эмиграции, что обеспечило их взаимную преемственность в составе культуры Русского Зарубежья. Первая глава богата разнообразным фактическим материалом исторического и социально-антропологического порядка, впервые собранного в таком объеме и с такой степенью конкретизации и детализации как единое целое. Из этих социо-психологических и житейско-бытовых подробностей удачно складывается портрет «незамеченного поколения», его трагическое положение и туманные перспективы его творческого развития. Из наблюдений автора диссертации за перипетиями судеб представителей «второй волны» ей удастся выстроить типологию деятелей этого поколения, на мой взгляд, вполне убедительную.

М.О. Баронова выделяет 6 социальных групп, во многом определяющих мировоззренческие различия деятелей «второй волны» и особенности их творчества. Во-первых, это представители интеллигенции, не принявшие жестокости советского тоталитаризма [Дис., с. 60 и далее]; во-вторых, это дворяне, вынужденные приспособляться к советской действительности, не принимая ее [Дис., с. 69 и далее]; в-третьих, – крестьяне, разочаровавшиеся в коллективизации [Дис., с. 70 и далее]; в-четвертых, – граждане прибалтийских республик [Дис., с. 71 и далее]; в-пятых, – репрессированные, столкнувшиеся с реалиями ГУЛАГа [Дис., с. 75 и далее]; в-шестых, – угнанные в Германию как остарбайтеры [Дис., с. 82 и далее].

Среди героев диссертации М.О. Бароновой такие яркие и глубокие литераторы Русского Зарубежья «второй волны», как поэты И.В. Елагин, Д.И. Кленовский, И.В. Чиннов, Ю.П. Трубецкой (Нольден), А.М. Перфильев; прозаики, как Л.Д. Ржевский, Н.В. Нароков, Н.Н. Моршен, Б.Н. Ширяев, С.С. Максимов; публицисты и издатели, как Б. Филиппов, историки и литературные критики, как Н.И. Ульянов, публицист и исторический писатель, как Б.П. Башилов, ведущий радио «Свобода», поэт и прозаик В.И. Юрасов и многие другие. Все они – личности и судьбы, характеры и обстоятельства – легко распределяются автором диссертации в рамках выделенных социальных групп. Единственное, что остается неясным из их биографических историй, – каким образом исторические, социальные и житейские обстоятельства, весьма разнообразные, драматические и причудливые, привели их – всех и каждого – к творческой деятельности, к литературе и журналистике, к историческим или литературно-критическим исследованиям? И еще: как все эти драматические обстоятельства способствовали формированию определенной системы ценностей – политических, нравственных, религиозных, художественно-эстетических, которые затем реализовались в их литературном творчестве?

Казалось бы, здесь было бы самое место для третьего параграфа I главы, посвященного творческим судьбам литераторов «второй волны»! Однако М.О. Баронова предпочла сделать паузу в своем повествовании и предоставить своим героям возможность сохранить тайну своего литературного становления, а своим потенциальным читателям – самостоятельно разгадывать тайны их творчества...

Между тем, в отношении мировоззрения представителей «второй волны» русской эмиграции М.О. Баронова сделала важные наблюдения. Она убедительно показала, в чем состоит своеобразие этого мировоззрения, отличающего эмигрантов «второй волны» от идейных установок эмигрантов «первой» и «третьей» волн. Если представители «первой волны», потрясенные дикими эксцессами Русской революции – красным террором, произволом чекистов, всеобщим обнищанием и озверением, начавшимися голодом и разрухой, – руководствовались в своей картине мира отношением к революции, большевикам и формирующемуся советскому тоталитаризму, сложившимся в Серебряном веке; если советские диссиденты, составлявшие ядро «третьей волны» эмиграции, были наполнены неприятием советского режима конца 1950-х – начала 80-х гг. и репрессивной политики «вождей Советского Союза» (выражение А.И. Солженицына) против творческой

интеллигенции и всяческих проявлений инакомыслия – как продолжения или возрождения сталинизма, – то представители «второй волны» оказались в гораздо более трудной и неразрешимой ситуации. Они находились на территории Германии, еще совсем недавно бывшей Третьим Рейхом, между советским и немецким тоталитаризмом; они стояли перед перспективой насильственной депортации в сталинский Советский Союз с клеймом «предателей», «изменников Родины», т.е. прямым перемещением в ад ГУЛАГа. К этому мироощущению добавляются негативные впечатления от пребывания в фильтрационных лагерях Ди-Пи, т.е. тоже концлагерях, хотя и более гуманизированного типа, но одновременно являвшихся и «центрами духовного единства» для выходцев из тоталитарной России.

Мировоззрение и творчество эмигрантов «второй волны», согласно обобщающим суждениям М.О. Бароновой, «объединяет бинарная оппозиция с реальным и ностальгическим образом Родины: любовь к России (месту рождения, красоте природы, близким людям) и абсолютное неприятие России как тоталитарного государства; не только изображение Родины, но и Чужбины отличается дуальностью и диалектичностью, при этом Чужбина становится спасением и способом творческой реализации, однако связана с экзистенциальной категорией страха из-за возможности насильственной репатриации; обращение к теме Родины является своеобразной попыткой самооправдания своей эмиграции, тенденция к «покаянности» прозы; полифункциональность произведений позволяет рассматривать их как послание и предупреждение потомкам» [Дис., с. 85]. Этот вывод имеет огромное значение для понимания не только эмиграции «второй волны», но и всей российской эмиграции, начиная с князя А.М. Курбского в XVI в. или А.И. Герцена в XIX в. Более того, выявленная М. Бароновой на материале творчества писателей «второй волны» *дуальность* обстоятельств и нравственных ценностей касается не только культуры русской эмиграции, но и всего «Русского мира» в его историческом развитии, включая его советскую часть.

Еще одно важное наблюдение над эволюцией российской эмиграции зафиксировала автор диссертации во втором параграфе первой главы. Развивая гипотезу В.В. Агеносова и следующих за ним исследователей, М.О. Баронова констатирует: «...Творчество И. Чиннова, Ю. Иваска, Б. Нарциссова, Л. Алексеевой, которое с хронологической точки зрения относится к “первой волне”, эстетически близко ко “второй волне”. В начале 20-х годов они стали эмигрантами “первой волны”, а во время Второй

мировой войны – дипийцами, что позволяет отнести их ко “второй волне”. С. Ковальчук и С. Цоя называют их “ставшая второй первая волна”» [Дис., с. 60 и далее]. Лично я в 2000 г. предложил представителей молодого поколения эмигрантов «первой волны» называть «*поколением 1,5*», политически и эстетически «выпадающего» из контекста первой волны и, еще до начала Второй мировой войны, предвосхищающего тематику и поэтику «второй волны»³. Эти наблюдения доказывают, что границы между «волнами» русской эмиграции были размыты – хронологически и стилистически, что, вопреки различию обстоятельств, мы можем наблюдать преемственность традиций между разными этапами культуры Русского Зарубежья.

Вторая глава сосредоточена на анализе творчества писателей «второй волны» российской эмиграции, а также его историко-культурных и литературных особенностей. Одной из таких ярких особенностей литературы «второй волны» является «автобиографический хронотоп как личностная включенность автора в художественное пространство и время своих произведений», который, по М. Бароновой, «является способом выражения диалектики жизненных обстоятельств и нравственных ценностей» [Дис., с. 87]. Анализ автобиографического хронотопа литературы «второй волны» посвящен целый параграф (первый) второй главы, построенный на многочисленных конкретных примерах. Характерно, что почти у всех авторов в моделируемом ими хронотопе демонстративно перепутаны и наложившись друг на друга образы Родины и Чужбины, прошлого и настоящего, реального и воображаемого, образуя драматически «неразвязываемый» узел. Этот хронотоп не только автобиографичен, но и интерэтногеографичен; он символически включает в себя в свернутом виде напряженный диалог культур (русской и западноевропейской или американской, советской и эмигрантской и т.п.), во многом предвосхищая черты литературного постмодернизма, исподволь складывающегося в творчестве русских эмигрантов (В. Набокова, Г. Газданова, Б. Поплавского, И. Бродского и др.).

Казалось бы, наблюдения за поэтикой и эстетикой писателей «второй волны», существенно отличающимися от соответствующих характеристик литературы «первой волны», как, впрочем, и «третьей волны», можно было продолжить в следующих параграфах второй главы диссертации (как делаем

³ Кондаков И. В., Брусиловская Л. Б. «Оттепель» в культуре русского зарубежья (опыт позднего Газданова) // Газданов и мировая культура: Сборник научных статей. – Калининград. – 2000. – С. 8.

это мы с моим соавтором в процитированной выше статье), однако М.О. Баронову увлекает другой важный аспект изучения наследия «второй волны». Во втором параграфе второй главы автор диссертации сравнивает произведения писателей-эмигрантов «второй волны» с тематически близкими произведениями официальной советской литературы этого же времени (в частности, с «лейтенантской прозой»).

Сопоставляя сочинения В. Юрасова и А. Твардовского, Л. Ржевского, М. Корякова и К. Воробьева, Б. Ширяева и В. Быкова, С. Максимова, В. Самарина и Ю. Бондарева, диссертант убеждается в их идейно-тематическом сходстве. М. Баронова приходит к обоснованным выводам «о единстве духовно-нравственных проблем, волновавших российских писателей в середине XX века, независимо от места их проживания, что в свою очередь указывает на неотъемлемую принадлежность творчества писателей-эмигрантов культурному наследию России и необходимости исследования их литературных работ как установление социокультурных и нравственных связей с Родиной, которую по основанию драматичных коллизий им пришлось покинуть» [Дис., с. 125 - 126]. Эти выводы (к сожалению, стилистически неудачно сформулированные автором) подтверждают высказанную мной совместно с Л.Б. Брусиловской гипотезу, что в литературе русской эмиграции «поколения 1,5» наблюдались процессы, сходные с теми, что происходили в советской литературе периода Оттепели.

В третьем параграфе второй главы диссертации М.О. Бароновой продолжено начатое ею во втором параграфе доказательство того, что литература «второй волны» является «духовно-культурной составляющей наследия России» [Дис., с. 125]. Для подтверждения этого диссертант сопоставляет произведения таких писателей «второй волны», как Л. Ржевский и В. Юрасов, Н. Нароков и Н. Троицкий, с романами Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание». Далее произведения М. Корякова, Т. Фесенко, Л. Ржевского и Н. Троицкого, Г. Андреева и др. «поверяются» ранними рассказами Л. Толстого как проникнутые одним – военным – дискурсом. Тем самым утверждается идейно-тематическое единство эмигрантской литературы «второй волны» и творчества русских классиков XIX в. в свете категории героического (сходство) и дискурса покаяния (различие). Правда, сравнение литературных текстов, созданных русскими писателями в разные времена, ограничивается лишь идейно-тематическим анализом и не расширяется до осмысления поэтики и стиля, что казалось бы логичным. Однако эти аспекты не входили в задачи данного исследования.

В развернутом Заключение диссертации автор обобщает итоги своих наблюдений над своеобразием культурного наследия российской эмиграции «второй волны» и его местом в культуре Русского Зарубежья.

Подведу итоги своего отзыва и я. Перед нами – блестящее культурологическое исследование, обладающее всеми признаками актуальности, новизны, теоретической и практической значимости, подтверждающее все положения диссертации, вынесенные на защиту. В работе М.О. Бароновой практически нет недостатков. Не считать же, в самом деле, например, изъяном диссертации тот факт, что в сносках на с. 63,64 и 65 ссылки на сочинения Ивана Венедиктовича Елагина сопровождаются инициалами «И.Т.»! Или что Библиографический список диссертации представлен как «Список цитированной литературы», а не как «Список источников и литературы» (разница, кстати, весьма существенная!)...

Впрочем, это не означает, что у меня нет пожеланий автору защищаемой диссертации. Мне бы, например, хотелось, чтобы в исследовании М.О. Бароновой были параграфы, посвященные творческому пути писателей «второй волны» и становлению их литературного таланта, поэтике и стилю их произведений, их вкладу в русскую художественную культуру XX в. Может быть, даже могла быть написана об этом целая третья глава работы, в которой культурное наследие российской эмиграции «второй волны» было бы системно представлено в контексте всей культуры России XIX – XX вв., что было бы закономерно. Но это всё мечты оппонента, не имеющие прямого отношения к разбираемой диссертации. Всё это – пожелания автору на будущее, когда он приступит к превращению своей диссертации в авторскую монографию.

Автореферат и 7 публикаций, 5 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК РФ, а 2 – в материалах международных научных конференций (общий объем публикаций диссертанта – 3,9 п.л.), убедительно отражают содержание диссертации, ее актуальность, новизну и практическую значимость.

Вышеизложенное позволяет мне как официальному оппоненту утверждать, что автореферат и диссертация на тему «Диалектика обстоятельств и ценностей в культуре российской эмиграции “второй волны”» полностью соответствуют требованиям пп. 9-11, 13,14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата

наук, а её автор *Баронова Маргарита Олеговна* более чем заслуживает присуждения учёной степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства; а в дальнейшем и публикации в виде авторской монографии.

10 января 2023 г.

Кондаков Игорь Вадимович

Профессор, доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», ведущий научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Государственного института искусствознания, действительный член РАЕН и Общественной академии эстетики и свободных искусств им. Ю.Б. Борева, почетный профессор Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского.

Место работы официального оппонента:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Адрес: 125047, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д.6

Телефон: +7-903-122-4389

E-mail: ikond@mail.ru

Первый проректор
проректор по научной работе

